

на языке которого собственно и составляется антропоидный картоид. Тогда появляется другая группа категорий:

- *Вертикаль*
- *Горизонталь*
- *Эгональ*
- *Органон личности (культурное тело)*
- *Философский атлетизм*
- *Культурный возраст человека.*

Продолжением нашей работы будет проведение особого рода антропопрактикумов, в рамках которых опыт выстраивания эгонали и составления картоида мог бы быть осуществлен и описан.

А далее предстоит составлять полноценный словарь антропологии перехода, предполагающий введение всего культурного контекста и генеалогии выше означенных смысловых идей, которым еще предстоит стать культурными формами-категориями, выстраивающими собственно онтологию антропологии перехода.

Но это уже другой формат и задание на всю оставшуюся жизнь.

РЕФЛЕКСИРУЯ ПРОБЛЕМУ

Станислав ГУСЕВ:

С.А. Смирнов в своем материале высказывает мнение о том, что причиной кризиса гуманитаристики является утрата людьми чувства ответственности за их бытие в мире. Но можно и наоборот: сам этот кризис рассматривать в качестве результата того, что люди перестают относиться к себе как к существам, от которых зависит их жизнь. Человеческая «безответственность» — не выдумка теоретика и не свидетельство «психологической опустошенности» носителей современной культуры. Она порождена определенной объективными факторами. С одной стороны, современное естествознание создает такую картину мира, в которой человеку просто нет места. Модели вселенной, конструируемые представителями таких фундаментальных областей знания, как микрофизика и космология, оперируют представлениями, не связанными с наличием в этой вселенной человека. Может быть, именно в связи с этим и был введен самими естествоиспытателями в их исследовательскую практику так называемый «антропный принцип». В соответствии с ним ученые должны при описании

космоса обязательно использовать характеристики, предполагающие появление в нем каких-то форм разума («наблюдателя»). Однако пока этот принцип не оказывает особого влияния на теоретические концепции, составляющие содержание научных знаний. И проникая (посредством упрощенных форм популяризации) в обыденное сознание людей, не занимающихся профессиональной наукой, такие знания исподволь порождают убеждение в том, что человек представляет собой весьма малозначащую величину в окружающем его мире.

С другой стороны, люди оказываются столь же бессильными и в сфере социальной действительности. Ведь в большинстве своем они не имеют возможности влиять на действия тех властных структур, которые принимают глобально важные решения якобы от лица этих людей. Экзистенциальное «одиночество» и в самом деле сегодня становится повседневным обстоятельством человеческого бытия. Может ли в этих условиях гуманитарное познание предложить какой-то выход? Если говорить не о «гуманитаристике» в целом (содержание этого понятия пока достаточно неопределенно), а именно о познавательной функции гуманитарных наук, то главным для них является создание комплекса знаний о способах эффективного коллективного поведения людей в различных ситуациях, которые могут возникнуть в результате человеческого взаимодействия с окружающим миром, а также формирование у людей способности осознавать свои действительные (а не воображаемые, внушенные идеологическими концепциями разного рода) потребности и цели. И такую задачу можно решать только используя весь познавательный опыт, накопленный человечеством за всю его историю. Традиционное дробление познавательной сферы на различные области, казалось бы, никак не связанные между собой, должно смениться пониманием целостной системности всех форм, в которых проявляется человеческий интеллект.

Собственно говоря, об этом и рассуждает, например, М. Эпштейн, обращая внимание на то, что разные сферы познавательной деятельности объединяются самим познающим субъектом. Создавая образы «другого человека», «иного разума», ученые обеспечивают возможность сравнения этих образов между собой, что должно способствовать формированию единой общечеловеческой культуры. Идея достаточно плодотворная. Однако ее конкретная реализация предполагает подробный анализ содержания различных научных дисциплин; выявление в каждой из них фрагментов, так или иначе выражающих роль человека в способах организации соответствующего знания; последовательное объединение этих фрагментов в целостную систему, которая может стать основанием новой культуры.

В определенной мере путь решения такой задачи предлагает Г.Л. Тульчинский, выделяющий иерархические уровни гуманитарного знания. Каждый такой уровень, по его мнению, связан с анализом условий, определяющих способ бытия человека в окружающем мире. Так, на уровне социологического исследования выявляются условия существования и развития различных культур. Содержанием культурологического уровня становится выяснение специфических особенностей каждого типа культуры. Антропологический уровень – это сфера познания условий, обеспечивающих существование человека в той или иной системе культуры. На уровне персонологическом изучаются факторы, способствующие формированию человеческой личности. И, наконец, метафизический уровень посвящен анализу форм проявления человеческой свободы. Переход от одного уровня к другому выражает углубление теоретического понимания, включение в поле зрения исследователей все более фундаментальных сущностей человеческого бытия.

Различные подходы, позволяющие рассмотреть проблему современного гуманитарного познания во множестве ее аспектов, позволяют более явно определить цели и задачи, стоящие перед современным обществом. А это, в свою очередь должно способствовать обретению людьми понимания своей действительной роли в современном мире. Человек формируется и остается человеком только в системе связей людей друг с другом. Индивидуальная изоляция ведет не только к замыканию каждого человека в замкнутой сфере своих внутренних переживаний, но и разрушает ту основу, на которой каждый может существовать. Ведь одна из важнейших культурных потребностей – стремление к личностной свободе – имеет смысл лишь там, где человек существует среди других людей. Поэтому одна из главных задач гуманитарного познания – обеспечение способностей каждого индивида явным образом соотносить свои «сиюминутные» действия с возможными их последствиями, затрагивающими интересы всего общества в целом.

Андрей ШЕЛКОВНИКОВ:

Думаю, что новая гуманитарная парадигма относится к постмодернизму, как творчество к деконструкции. Это – новое осознание творческих возможностей науки, философии, искусства и др. языковых игр (дискурсивных практик) после провозглашения их «цитатности», «мертвенности», «симулякрности» в культуре постмодерна. Ведь и к цитате можно относиться по-разному. С одной стороны она – неосознанный механический повтор, с другой – неожиданное открытие новых смысловых возможностей «чужого слова» благодаря его творческому погружению в Другой контекст. Да и сам постмодернизм с точки зрения новой гумани-

таристики может быть представлен как творческий дискурс, безусловно создавший новый стиль, новые жанры, породивший новые идеи в философии, искусстве и других областях. Сама деконструкция обладает довольно мощным креативным потенциалом. Как считает М.Н. Эпштейн, парадигма «пост» уступает место «прото» и «транс». Но чем «постапокалиптическое» «прото» отличается от первобытного? Синкретическое «прото» мифа было стихийным (я в данном случае говорю о том мифе о мифе, который сложился в современной западной культуре), а «прото», следующее за «пост» (трансцендирующее исторический путь от «прото» до «пост» интенцией «транс»), представляет собой сознательную установку на моделирование нового типа культуры. Прошлый этап (от «прото» до «пост») характеризовался подспудным, существовавшим на уровне культурного бессознательного вызреванием эпохальных парадигм, которые обуславливали творческое конструирование определенных синтагм, текстов. Современный этап отличается склонностью к сознательному моделированию новых множественных парадигм (словарей, возможных миров, частных метафизик, индивидуальных областей интересного, манифестов и т. п.), которые, может быть, довольно стихийно будут продуцировать определенные синтагматические цепи. При этом надо иметь в виду, что мы сейчас говорим о том, чего еще актуально нет. Пока мы находимся на эмбриональной стадии замысла, который запросто может не реализоваться. Это — зона риска. Творчество — это всегда риск. В этом весь феномен проективности. Необходимо также отметить установку на языковой синтез, лингвовитализм в терминологии М.Н. Эпштейна. Не столько анализировать языковые игры, дискурсивные миры, сколько создавать новые. Если идти дальше, то гуманитарные науки могут формировать позицию метанаблюдателя, с которой есть возможность отслеживать и фиксировать процесс порождения новой языковой игры в процессе анализа игры-объекта. Научная рефлексия, как можно полагать, тогда и достигает концептуальной полноты, когда в процессе самонаблюдения (наблюдения над собственным метаязыком) строит модель интертекстуального взаимодействия метаязыка и изучаемого дискурса.

Г.Л. Тульчинский вводит такие концепты, как «постчеловеческая персонология», конфликт гуманности и гуманитарности, чрезвычайно важные для новой гуманитарной парадигмы. Но они проходят под знаком «пост». Что это, последняя оглядка «прото» на «пост»? Или это некое новое «пост», вырастающее в постисторическом «протеизме»? Или это спор о словах (частях слов)? Как понимать «постчеловеческое»? В контексте новой парадигмы «человеческое» выглядит как «слишком биологическое». Можно сказать, что личность относится к человеку, как «прото» к «пост». И

свобода относится к личности, как «прото» к «пост». А вот дальше свободы мы пойти не можем. В свободе как внебытийном основании бытия и усматривается «колыбель творческих возможностей», по отношению к которой все антропологические факторы — личностные, социальные и пр. — оказываются в положении «пост». Так видится ситуация человека. Внеаходимость свободы по отношению к человеку определяет верную точку зрения для наук о человеке, гуманитарности, не обусловленной гуманизмом.

Кто современный гуманитарий? Вне социального долженствования мыслитель видит себя как возможность языка самовысказаться. Не орудие труда (или насилия) как органопроекция, но автор как органопроекция языка. Смиреннотворческое участие в этом процессе. Возможна ли гуманитарная экспертиза? Мне кажется, да, если она имеет спонтанный характер. Критерий? Стилистическая безупречность.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ:

Основной тезис М. Эпштейна, при всей его эпатажности, представляется верным: гуманитарные науки много знают, но мало мыслят, производят мало конструктивных идей, которые могли бы определять развитие цивилизации, человеческого бытия. Речь идет не о пафосных проектах преобразования общества, а глубинном развитии человеческого бытия. Более того, гуманитаристика в наше время существенно отстает от естествознания, прикладных наук, вынужденная «бить по хвостам» последствий технологических прорывов в биотехнологии, генной инженерии, ставящих этику, философию перед необходимостью переосмыслить свои основания. Что есть и когда есть личность? Каковы пределы свободы и ответственности? Вопросы, вроде бы уже решенные еще в XIX столетии, в наши дни приобретают совершенно новое звучание и смысл. И тогда следует признать новый вызов, с которым сталкивается гуманитаристика. Речь идет о ее новой ответственности. Ранее традиционно сугубо спекулятивное занятие кабинетного «книжного червя», каковым был гуманитарий, становится реально проектной деятельностью.

Важную идею выдвигает С.С. Гусев, по мнению которого, главная задача гуманитарного познания — обеспечить способность каждого индивида явным образом соотносить свои «сиюминутные» действия с возможными их последствиями, затрагивающими интересы всего общества в целом. В этом плане можно говорить об «инорациональности» (С.С. Аверинцев) гуманитарного знания. Если естествознание раскрывает гармоничную целостность мира, то гуманитарное знание дает средства построения гармоничной целостности бытия человека, в котором дао-истина открывается как Дао-путь.

Фактически, речь идет о своеобразном возрождении знаменитого Марксова 11-го тезиса о Фейербахе, который был понят излишне всеобъемлюще, тотально. В наши дни гуманитарные технологии (культуроника, как их называет Эпштейн) востребованы не в плане революционного преобразования социума, а как эффективные средства оптимизации новых условий человеческого бытия, о которых довольно убедительно говорит С.А. Смирнов. Нельзя не признать, что возникновение политехнологий, психотренингов, практик формирования и развития корпоративных культур, NLP, гуманитарной экспертизы и прочих областей деятельности, профессионалам, которых имя легион, оказалось неожиданностью для академической науки и высшей школы. В этом плане смировская идея антропопрактикумов не выглядит экзотично.

Собственно, программами такого развития гуманитарных наук — уже в их полноте не только как знания, но и прикладных технологий, фактически — гуманитарной инженерии, в той или иной степени являются все представленные статьи. Каждый из авторов, так или иначе, даже если речь идет о знаковых системах, культуральных текстах, выходит на проблему новой интеграции знаний и технологий, осмысляющих и заново позиционирующих человека и его представления о самом себе.

Владимир СУЛИМОВ:

Как кажется, одно из решающих направлений развития в России и философии культуры и собственно культурологии — теория текстов культуры. При этом два аспекта этой теории вновь актуализируются: (а) *семиотический аспект*, рассматривающий знак в текстах культуры как особый знак — континуальный, имеющий не-бинарную природу, и (б) *антропологический аспект*, рассматривающий текст культуры как принадлежащий сфере сознания индивидуума. Актуализируются вновь — это значит возобновляется продвижение в том направлении, которое было обозначено в начале XX века когнитивной герменевтикой Г.Г. Шпета и коммуникативными моделями Р.О. Якобсона, продолженное в идеях (а точнее — в проектах идей) тартуско-московской семиотической школы и успешно «преодоленное» в конце 90-х — начале 2000-х благодаря неопозитивистскому прочтению гуманитарного знания, массовому возвращению к «власти артефакта», массовой технологизации процесса порождения новых смыслов и интерпретации старых. Максимальное интеллектуальное усилие было сосредоточено на вычленении ряда «объективных процессов» в развитии (или, возможно, не-развитии) культуры, что очень часто инспирировалось ментальным освоением некоторых лингвистических, психологических, социологических или даже — политологических теорий, очевидно принадлежащих прошлому. Вместе

с тем решение важнейшей, на мой взгляд, задачи — задачи создания интегральной персонологии, обеспечивающей понимание человека в условиях практически перманентной переходности, связано с выработкой отношения исследователя к тексту не только как к источнику «информации о...», но и как непрременному члену системы *сознание — не-сознание*. Это двумерное и весьма противоречивое (а потому — неустойчивое) единство должно быть разорвано некоторым более сильным и динамичным фактором — *текстом*. Треугольник *не-сознание — текст — сознание* является фактически максимальным семиотическим треугольником, порождающим другие семиотические треугольники (в т.ч., треугольник Г. Фреге) за счет действия энергии *семиозиса* (процесса означивания). Графически можно, наверное, «мега-семиотический» треугольник вписать в круг семиозиса и получить достаточно логичную картину некоторой новой когнитивной антропологии. Однако впечатление обманчиво: симметрия (градуальная, круговая, иерархичная — любой сложности) будет «торпедироваться» постоянным влиянием онтолого-трансцендентального (четвертого) угла континуального знака. Думаю, что не внешние (т.н. постмодернистские) характеристики современного индивидуально-го сознания (и=текстов культуры), а глубинные процессы изменения общей логики, реализуемые как в текстах культуры, так и в процессах их порождения/восприятия, должны стать объектом и предметом исследования. И тогда, сквозь эту логику станет виден нарождающийся человек — будущее-в-прошлом и прошлое-в-будущем. В этом смысле, на мой взгляд, разрешимы те противоречия между рефлексией и саморефлексией, которые показывает в своей статье М. Эпштейн. Сверхсубъективность — путь к субъекту, его «отражению» в пространстве субъективного (например, в текстах культуры). Да и «человек перехода» в системе искажающих зеркал будет все более «очищаться» от напластований трактовок и определений, все более приобретать то, что удачно названо «архитектонической оснащённостью человека» (см. очень интересное мнение С.А. Смирнова).

Гораздо сложнее, на мой взгляд, выпутаться из интенционально-экстенциональных манипуляций, относящихся, как мне кажется, также к прошедшему времени — времени последовательной логики или логики причинно-следственных отношений, где любой признак был постоянен (и=неподвижен) *хотя бы в процессе самого утверждения*. Логика соположения и/или логика парадокса, «работающая» сегодня в сознании индивидуума независимо от условий его когнитивного существования, *запрещает сохранение значения в процессе высказывания*. Поэтому те теоретические описания, которые полагают неподвижность ядра концепта (тем более его аксиологического ядра), не позволяют выявить пер-

сонологическую доминанту современного человека, динамику его сознания, совершающего самый тяжелый когнитивный переход — от медленной логики последовательности к симультанной логике выбора результата, логике *ощущения смысла*.

Поэтому мне трудно согласиться с некоторыми положениями статьи А.Ю. Шелковникова. На мой взгляд, семиозис просто не осуществляется в двумерной бинарности, как, равно, культура (основанная на текстах культуры) не существует в тернарном знаке. Тернарный знак всегда вырван из текста (он может быть контекстуален — когда мы добавим в него ряд значений из копилки нашей системы пресуппозиций знания, но всегда обязательно — вне-текстуален), он вырван из самого процесса порождения/восприятия текста. Так же точно абсолютно неподвижно понимается концепт в тех лингвистических теориях, на которые ссылается автор. Вместе с тем, подвижная не-тернарность знака была заложена еще М.М. Бахтиным, Г.Г. Шпетом и Р.О. Якобсоном (а затем — в работах их последователей — в т.ч. французских постструктуралистов) процедуре (а) герменевтического прочтения (интерпретации) и (б) в системе не-бинарных градуальных оппозиций, когда признак (а значит = смысл) выявляется в постепенно расширяющемся пространстве осмысления. Причем ясно, что в человеческом формате — эта процедура осмысления есть переживание. Вот почему всегда трудно получалось «дать знания», «объяснить, втолковать» и уж тем более — «создать нового человека» при помощи «накачивания» его системы пресуппозиций знания чем-то не освоенным творчески, не пережитым интеллектуально, не обнаруженным самостоятельно, т.е. *информационно пустым* материалом. Всегда противостоял четвертый угол модели знака — трансцендентально-онтологический. Собственно говоря, этот «четвертый угол» и является основой культурогенеза, о котором так много писал М.С. Каган в своих последних работах.

Культурогенез в его непрерывном — порождающем — варианте привел в действие механизмы преобразования индивидуального сознания, это — новая ситуация, которая требует осмысления. И, видимо, следует согласиться с Г.Л. Тульчинским, предложившим построение новой (когнитивной, по сути) модели человека на основе нового прочтения гуманитарности — постчеловеческой персонологии.

Валерий САГАТОВСКИЙ:

По ряду причин откликаюсь на предложение участвовать в этой подборке только комментарием на статьи коллег.

Во-первых, мне хотелось бы кратко выразить свое согласие с некоторыми положениями о природе и задачах гуманитарной парадигмы, которые содержатся в статьях Г.Л. Тульчинского и

М. Эпштейна, и, во-вторых, высказать некоторые полемические замечания и предложить свое видение затрагиваемых проблем.

Поддержка:

1. «Человек это не всегда хорошо и не всегда самоценно» (Г. Тульчинский). Особенно, когда его реальные несовершенства усиливаются абсолютизацией отдельных уровней гуманитарного знания (от экономоцентризма до персоноцентризма).

2. Любой частичный уровень (постмодернизм в том числе) сменяется прорывом к новой целостности, который и предстоит осуществить в наше время.

3. Конструктивный потенциал гуманитарных наук (их способность проникать в несказанность субъективного) позволяет сформулировать важнейшее положение: «Человековедение неотделимо от человекотворчества» (М. Эпштейн). Практика гуманитарии — это «техногуманистика», это путь от искусствоведения к искусствоводству. В своей терминологии я бы выразил это так: гуманитария может и должна системно и осознанно способствовать решению проблем развития культуры в нестандартных ситуациях. И в этом смысле гуманитарная экспертиза не менее важна (а перспективе является ведущей), чем экспертизы технико-экономическая и экологическая.

Полемика:

1. Постмодернизм, как и все другие течения, имеет рациональные зерна (в данном случае — критику сциентистского рационализма), но в целом его культурный вред намного превышает его достоинства. И, прежде всего, это относится к его апологии «смерти» — Бога, человека, субъекта, культуры, идеалов, истины. Поэтому, в частности, мне не нравятся такие выражения, как «постчеловечность» и «постгуманизм». Преодоление ограниченности классических представлений о человеке и гуманизме не должно переходить в их отрицание. Оставим это Ницше. Я за преемственность лучших традиций становящейся (через века и тысячелетия!) общечеловеческой культуры.

2. Humanities (не как, скажем, искусство, а как искусствоведение) остается наукой, ибо помещает свое «знание о незнании», фиксацию и умение сопережить неповторимому в рациональные рамки общих закономерностей и общих понятий. Иначе теряется всякая ответственность. Хотя в рамках «культуроводства» эта ответственность, конечно же, приобретает уже не научный, а нравственный и эстетический характер.

3. Прорыв к новой целостности гуманитарного знания предполагает и критическое отношение к одному из догматов неклассического видения бытия, согласно которому человек с его свободой не столько вписывается в мир и входит в ткань его бытия событиями своих поступков (Бахтин), сколько противостоит ему

(Сартр и др.). Корни субъективности человека следует искать в субъективности как общем атрибуте бытия (отклонение атома Эпикура, Н.О. Лосский, Тейяр де Шарден). Новая гуманитария должна базироваться на новой онтологии, не сводящейся к философской поэзии в прозе типа Хайдеггера.

Владимир ПРЖИЛЕНСКИЙ:

Когда С.С. Гусев пишет «о растущей потребности гуманитариев в создании методологических средств, позволяющих переходить от описания собираемых данных и их первичного обобщения к объяснению сущности обнаруживаемых феноменов, а затем и к прогнозированию возможного поведения людей (в глобальном смысле - человечества) в ситуациях, с которыми они пока не сталкивались», он воспроизводит установку, характерную для позитивных наук. Действительно, человек как рациональное существо должен объяснять прошлое, затем на основе объяснений предсказывать будущее и ориентировать в соответствии с прогнозами свои действия. Но смысл гуманитарности состоит не в этом. Не все цели интересуют гуманитарное познание и даже не та их часть, которая напрямую связана с физическим выживанием человека и общества. Лишь те, которые мы называем абсолютными ценностями, которые делают разумное и стремящееся к выживанию существом человеком с его духом, моралью и трансцендентностью.

Почему при обсуждении проблем гуманитарного знания и гуманитарной парадигмы так часто возникает тема их недостаточной строгости, точности и эффективности, возникают даже утверждения об их недоразвитости, ненаучности, периферийности. Вот уж опять, в который раз, прозвучали слова о том, что социальные и гуманитарные науки не являются науками в полном смысле этого слова. Данную мысль с высокой трибуны XXII Всемирного философского конгресса озвучил профессор Д. Ким из США, со ссылкой на отсутствие в этих областях знаний законов, подобных физическим. При этом совершенно забывается тот факт, что социально-гуманитарные науки не могут и не должны напоминать естественные. Никакая экспериментальная психология или эмпирическая социология никогда не получают ни правовой, ни моральной санкции на проведение экспериментов, позволяющих «ломать» человеческое тело или разрушать человеческое «Я». Даже проведение экспериментов на животных вызывает сегодня целый ряд вопросов, хотя это позволяет изучать лишь биологические процессы. С неживой природой, напротив, можно делать все, что угодно. Со времен Галилея из мира природы изгнана всякая уникальность, в телах нет ничего, кроме движения, числа и фигуры.

Проблема гуманитарной парадигмы в том, что социально-гуманитарные науки нетождественны гуманитарности как таковой. Они лишь используют эвристический потенциал идей, образов и переживаний, рожденных в опыте гуманитарного творчества для получения знания и формулирования условий его применения в повседневной жизни. Причем используют до такой степени успешно, что этим опытом заинтересовались и естествоиспытатели, о чем упоминает в своей статье М. Эпштейн.

Для понимания сущности того, что мы называем гуманитарностью, необходимо обратиться к обстоятельствам возникновения последней. При этом совершенно неважно, подразумеваем ли мы под гуманитарностью отдельный тип знания (семейство наук), особую культуру (систему ценностей) или одну из парадигм (стиль и метод мышления). Все это производные, акциденции от некой субстанции, которая рождается в опыте особого рода. Специфика этого опыта не столь очевидна, как и сам факт его рождения, хотя о гуманизме и гуманистах эпохи Ренессанса сказано и написано очень много.

Кто такие гуманисты эпохи позднего средневековья? Буквально — это лица с неоконченным высшим образованием, ибо они окончили лишь начальный факультет — философский. Как правило, они работают репетиторами и готовят подростков к поступлению на все тот же философский факультет, ибо их знания не являются востребованными непосредственно. Знание греческого и латыни, логики и риторики мало востребовано за стенами университета, но нужно для последующего овладения профессией на юридическом, медицинском или теологическом факультете. Эти учителя-репетиторы иногда претендуют на роль университетских профессоров, эрудитов-специалистов в каком-нибудь из классических искусств или комментаторов древних текстов, но их социальный статус крайне невысок даже по сравнению со специалистами в медицине или юриспруденции. И вот наступает эпоха Возрождения, делающая их не только реставраторами античности, но и открывателями нового мира, созидателями новой системы ценностей. На протяжении одного столетия они становятся и властителями дум, и творцами великого европейского проекта с его научной революцией и Просвещением, гуманитарными ценностями и правами человека.

Что же это за опыт такой, ускользающий от определения настолько, что его формализация и концептуализация превращает его в сухие и мертвые буквы? А затем, в обязательном порядке эти царства формул и понятий разрушаются, и разрушающей их силой каждый раз становится новый гуманитарный опыт. Так, например, в середине XIX в. рождается проект новой науки о человеке и его истории, главная задача которого найти законы, кото-

рым подчиняются люди в своих действиях, законы развития общества. Для этого необходимо ввести понятие общества как особого вида реальности и превратить человека в индивида, т.е. в функцию социального процесса, в производную социальной реальности. Конт называет этот проект социологией, Маркс — историческим материализмом, применяются также термины «социономика», «социальная физика» и даже «социальная физиология». Такая социология противостоит гуманитарной традиции и антигуманна по своему замыслу. Но единство смысла и замысла сохраняется недолго, социология гуманитаризируется, что приводит к рождению целых направлений, таких, как интерпретативная социология, решительно перечеркивающих исходный социологический консенсус. То же самое происходит с другими науками о человеке — культурологией, психологией, лингвистикой. Все меньше надежд на открытие всеобщих формул, универсализирующих схем, объективных закономерностей, все слабее вера в их чудодейственную силу.

Но что же тогда? Г.Л. Тульчинский предлагает постчеловеческую персонологию, подразумевая под последней отказ от оснований гуманизма во имя гуманитарности. Изменился мир и прежние формы гуманитарности явили свою ограниченность, что, кстати и проявилось в трудности их идентификации: то ли уровни экспертизы, то ли системы ценностей, то ли виды знания. При этом новая гуманитарность — постчеловеческая персонология — не должна быть ни знанием, ни культурой, ни экспертизой. Не должна она также сводиться к критике. Постмодернистская ирония не рождает новые смыслы и ценности, провозглашение смерти человека лишь расчищает путь к новому смыслообразованию.

Но как возможно это новое смыслообразование? Здесь возможны два пути: конструирование и выявление. Если мы идем по пути конструирования, то тогда надо разрабатывать проекты, подобные культуронике.

Если же мы опять обратимся к ренессансным истокам гуманитарности, то обнаружим их генетическую связь с актом обретения культуры, которая к тому моменту считалась мертвой — культуре античности. К. Честертон утверждал, что Возрождение наступило лишь тогда, когда никакой возврат к языческой античности был уже невозможен. Но в процессе восстановления утраченных знаний и реконструкции утраченных образов с итальянскими гуманистами произошло нечто совершенно неожиданное — они поняли что-то очень важное в себе самих, они постигли себя в историко-бытийном измерении. Совершенство свои знания в древнееврейском и греческом они восстановили смысл текстов Священного Писания, а затем и богослужения, перейдя от ритуала к сути. Читая Гомера и Вергилия, они обрели утраченную праро-

дину – греко-римскую культуру, сохранившуюся в дочерней или даже во внучатой культуре – культуре ренессансной Европы.

Возродили ли гуманисты эту культуру или сотворили из собственного опыта критического реконструирования, частями филологического, частями исторического комментирования? Думаю, что метафора открытия здесь подходит меньше, чем метафора сотворения. Именно культуроникой следует назвать деятельность итальянских гуманистов, используя слово культуроника в смысле, в котором его использует М. Эпштейн. Культуроникой, правда, отличной, от ренессансной, может стать и постчеловеческая персонология. Это особенно важно в условиях, когда создаются технологии операционализации смысла.

Как и все остальные гуманитарные проекты, постчеловеческая персонология строится на основе преодоления последствий реализации прежних проектов, результатами которых явились целые миры, составленные из идей, понятий форм и структур. Необходимо преодолеть ситуацию, когда, по меткому замечанию М. Хайдеггера мир превратился в картину мира, а культура трансформировалась в культурную политику, когда творцы и искатели предстали в качестве экспертов, а знание стало средством подчинения и доминирования. Если итальянские гуманисты смогли открыть бесконечность человеческой личности, установить равновеликость микрокосма и макрокосма, то перед постчеловеческой персонологией стоит задача сделать эту бесконечность актуальной. Новый гуманитарный проект должен преследовать следующие цели:

- по-новому задать меру и смысл человеческого бытия;
- переопределить отношение к истории;
- изменить структуру и содержание системы ценностей;
- оказать содействие в поисках идентичности.

При разработке основ культуроники необходимо помнить, что любое конструирование может идти двумя путями. Первый путь древние определяли как подражание природе, уподобление миру. Только этот путь способен привести к искомой цели – обретению смысла, познанию истины, рождению ценностей. Второй путь всегда возникает как соблазн для любого конструирования, любого технического творчества. Его суть в обмане природы, когда вопреки природе используются сами вещи, их свойства и отношения. Этот обман также стал неотъемлемым элементом освоения человеком мира, приспособления к нему. Но, будучи оправдан в рамках стратегии выживания, обман природы никогда не должен стать основой для познания и творчества. Вот почему постчеловеческая персонология должны быть опытом, а не технологией, вот почему проектируемая культуроника должна быть не только ограничена этическими запретами, но и детерминирована телеологически.